

УДК-393

DOI: 10.18324/2224-1833-2020-4-103-106

Эвенкийские культовые места и погребальные сооружения Ангаро-Енисейского региона на примере села Стрелка-Чуня (по материалам А.А. Павлова)

Д.К. Бондарева

Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары,
ул. Комсомольская, 38, Братск, Россия
rimava.9191@inbox.ru

Статья поступила 25.11.2020, принята 30.11.2020

В статье продолжается рассмотрение погребальных эвенкийских сооружений и культовых мест Ангаро-Енисейского региона по экспедиционным материалам сотрудников Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары. Раскрываются особенности захоронений на кладбищах, на участках, вынесенных за их пределы. Наиболее полно описывается эвенкийское кладбище с. Стрелка-Чуня на р. Чуня. Уделяется внимание шаманским захоронениям, комплексу деревянных фигур на захоронениях. Рассматриваются табуированные географические объекты. Приводятся особенности захоронения медведя при отправлении его культа.

Ключевые слова: Катангский район; эвенки; шаманизм; захоронения; кенотаф; культовые постройки; надмогильные сооружения; традиции; А.А. Павлов; кладбище; Стрелка-Чуня; намарок; амандекит; озеро Якогно; культ медведя.

Evenk's cult places and funerary structures of the Angara-Yenisei region on the example of the village of Strelka-Chunya (based on materials by A.A.Pavlov)

D.K. Bondareva

Bratsk Municipal Joint Museum of the History of the Development of the Angara;
38, Komsomolskaya St., Bratsk, Russia
rimava.9191@inbox.ru

Received 25.11.2020, accepted 30.11.2020

In an article consideration of Evenk's cult places and funerary structures of the Angara-Yenisei region based on the expedition materials of the museum staff is continued. The features of burials in cemeteries and in areas outside of them are revealed. The Evenk's cemetery Strelka-Chunya on the Chunya River is described most fully. Special attention is paid to shaman burials and the complex of wooden figures at shaman burials. Taboo geographic objects are considered. The features of the bear's burial during worship are described.

Keywords: Katangsky district; Evenki; shamanism; burial places; cenotaph; cult structures; grave structures; traditions; A.A. Pavlov; cemetery; Strelka-Chunya; namarok; amandekite; Yakogno lake; bear cult.

Одним из важнейших направлений истории и культуры в XX–XXI вв. можно считать изучение коренных народов Сибири и Дальнего Востока. В начале XXI в. наиболее остро стоит вопрос сохранения культуры, религии и быта малочисленных народов, так как процессы глобализации и индустриализации приводят к отходу коренного населения Сибири от исконного образа жизни, что, в свою очередь, ведет к утрате целого культурного пласта.

Необходимость изучения культуры и быта эвенкийского народа объясняется популяризаци-

ей тенденции к оседлому образу жизни, который в корне меняет традиции, хозяйственный уклад и верования коренного населения. На территории Иркутской области (Катангский, Казачинско-Ленский, Качугский районы) проживают эвенки – коренное население Восточной Сибири и Дальнего Востока. Как отмечает этнограф-сибиревед В.А. Туголуков, «...благодаря близкому соседству с русскими и бурятами, местные эвенки уже в первой половине прошлого века (XIX в. – Д.Б.) начинают отходить от кочевого хозяйства,

включавшего охотничий промысел, оленеводство и рыболовство, и осваивать новые занятия, связанные с оседлостью» [1].

Таким образом, изучение культуры и быта эвенкийского населения становится актуальной темой исторических и этнографических исследований, так как с естественной сменой поколений информация о традициях и верованиях становится все менее полной и комплексной. В ходе исследований В.А. Туголуков пришел к выводу, что «признаки традиционной эвенкийской культуры сохранились в памяти стариков еще в первой четверти XX в.» [1], а экспедиционные материалы сотрудников Братского историко-краеведческого музея [2] позволяют прийти к выводу о том, что в ряде населенных пунктов севера Иркутской области в последней четверти XX в. еще можно было встретить старожил-эвенков, обладавших обширной информацией о быте и традициях народа.

Изучением эвенков Иркутской области и отдельных групп эвенков, проживавших в Нижнем Приангарье (Красноярский край), занимался историк-этнограф Александр Анатольевич Павлов (1956–2019), с 1985 г. — сотрудник Братского историко-краеведческого музея, с 1986 г. — член Братского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Центральным направлением научных исследований А.А. Павлова являлось изучение жизни и быта коренного населения Среднего Приангарья.

А.А. Павлов продолжил экспедиционную деятельность Г.С. Уткина по этнографическому изучению Катангского района. Однако А.А. Павлов расширил географию исследований, уделив внимание и юго-восточным районам области. В 1985–1998 гг. исследователем было осуществлено шесть этнографических экспедиций в Катангский, Качинско-Ленский, Качутский районы и юго-восточную часть Эвенкийского автономного округа. Собранный материал лег в основу реконструкции эвенкийского сектора архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня».

В ходе экспедиций сотрудниками музея уделялось внимание не только аспектам и особенностям быта, но и культовым хозяйственным и погребальным сооружениям. К данной теме автор обращался ранее [2], однако был рассмотрен период 1970–1982 гг. В данной статье будет уделено внимание 1985–1998 гг. Таким образом, будут рассмотрены практически три десятилетия экспедиционных исследований.

Традиционными были не только эвенкийские захоронения различных типов, но и кладбища, их расположение. По верованиям эвенков было принято располагать кладбища на удалении от населенных пунктов и стойбищ. Однако для понимания процессов культурных и религиозных изме-

нений, происходивших с эвенкийским населением, необходимо рассмотреть и более поздние культовые и погребальные объекты.

Эвенкийское кладбище было обнаружено исследовательской командой при участии А.А. Павлова в 1985 г. в ходе архитектурно-этнографической экспедиции Иркутского областного краеведческого музея в зону затопления Богучанской ГЭС, затронувшей Кежемский район Красноярского края и Усть-Илимский район Иркутской области. В ходе данной экспедиции пристальное внимание исследователей-этнографов было направлено на изучение русско-эвенкийского населенного пункта — с. Стрелка-Чуня (образовано в 1925 г.), расположенного по левому берегу р. Чуня (правый приток р. Подкаменная Тунгуска). В районе поселка были обнаружены два кладбища, русское и эвенкийское.

Кладбища были расположены с разных сторон от села вдоль реки. Русский погост был ориентирован вверх по течению реки (на восток). В незначительном удалении от населенного пункта вниз по реке (на запад) располагалось эвенкийское кладбище.

Подобное расположение кладбищ (недалеко от населенного пункта) нетипично для эвенков. Однако можно предположить, что факт данного размещения объясняется смешанностью национального состава: в с. Стрелка-Чуня были широко распространены смешанные браки (10 эвенкийских браков, 14 русско-эвенкийских, 2 эвенкийско-русских) [3, л. 9]. Кроме того, населенный пункт являлся молодым (на 1985 г. — 60 лет с момента образования), чем также можно объяснить отход от традиционного варианта размещения кладбищ. Ранее подобное расположение захоронений вблизи жилища наблюдалось исследователями лишь в отношении небольших стойбищ и временных стоянок [4, л. 9, л. 21 об.], а не стационарного населенного пункта.

Несмотря на нетипичное расположение эвенкийского кладбища с. Стрелка-Чуня, эвенкийские захоронения, размещенные на нем, были выполнены с соблюдением ряда ритуальных особенностей.

На территории кладбища располагались надмогильные сооружения, рубленые в обло на 4–5 венцов, крыша выполнена из дранья. Подобные сооружения, характерные для эвенков Катангского района Иркутской области, были обнаружены в большом количестве и описаны ранее [2]. На кладбище присутствовали захоронения без надмогильных сооружений. Подобные погребения обозначались по-разному: размещение оленьих рогов или деталей одежды, личных вещей на могилах. Одно из захоронений было ориентировано на восток, князьковая слега оканчивалась вырезанной головой оленя без рогов.

На кладбище присутствовали и более простые варианты захоронений эвенкийского типа — «кенотафы»: на некоторых деревьях была развешана «современная одежда, деревянные олени седла» [3, л. 9]. Подобные сооружения назывались термином «намарок», что, по словам эвенка-информатора М.М. Аксенова 1937 г. р., означало «вещи покойного» [5]. Стоит отметить, что первую часть данного слова («нама») можно перевести как «сложить, свернуть одежду» [6], что соответствует сути понятия. Упоминание «современной» одежды позволяет предположить, что данные захоронения были на кладбище наиболее свежими, что также может объяснить отход от традиционных канонов погребений.

Большой интерес представляет захоронение, вынесенное на 50 м за пределы кладбища и снабженное деревянными зооморфными фигурами. Захоронения с фигурами были также обнаружены в ходе экспедиций 1970-х гг. по Катангскому району [4, л. 12, 22, 23, 33, 34, 46, 47].

В ходе следующих экспедиций по Катангскому, Качутскому, Казачинско-Ленскому районам А.А. Павлову также удалось обнаружить ряд зооморфных фигур. В отличие от фигур на р. Чуня, они располагались на значительном удалении от населенного пункта — в 15 км от Ербогачена, по рекам Сурингда, Непа, Делона. На р. Сурингде располагалось шаманское урочище Даалдын, где остались фигуры зверей и птиц, которые являлись вместилищем для помощников-духов шамана. На р. Наригонда, также в значительном удалении от населенных пунктов, располагались фрагменты шаманского урочища [7, л. 8]. Однако захоронение на р. Чуня интересно, в том числе, его близким расположением к кладбищу и населенному пункту.

На захоронении размещалась фигура оленя. В 3-х м к востоку от фигуры к дереву крепилась жердь, на которую помещались рога. Также А.А. Павлов отметил, что на территории кладбища имелась жердь, заостренный конец которой был направлен на запад. Жердь была закреплена на дереве на высоте 1,5 м, обмотана одеждой и покрывалами [3, л. 8]. В статье «Ритуальное сооружение эвенков в п. Стрелка-Чуня», которая, к сожалению, не была опубликована в связи со смертью А.А. Павлова, говорилось о нескольких фигурах. Отмечалось, что «фигура была не одна. Позади нее на расстоянии 97 см находилась вторая, также насаженная на тонкую лиственницу, а за ней, в 85 см, — третья. Вторая и третья не были так тщательно обработаны, как первая, а представляли собой жерди диаметром 8 см и длиной 120 и 152 см, стесанные на концах» [5]. Данный комплекс информатор М.М. Аксенов назвал словом «амандекит» и перевел на русский язык как «памятник шаману» и «шаман умер» [3, л. 9]. Сто-

ит отметить, что термин «амандекит» А.А. Павлов слышал от нескольких информаторов через два года после обнаружения захоронения на р. Чуня, однако уже на территории Катангского района. Однако по данным, полученным в 1987 г., под словом «амандекит» информаторы понимали не «памятник шаману», а «шаманское место», территорию, на которой шаман проводил обряды и где размещался его чум [7, л. 8].

М.М. Аксенов передал сведения, полученные от родной бабушки, о процессе прощания с шаманом: после смерти его тело было положено на льдину во время ледохода. В качестве памятника шаману и был установлен «амандекит».

Таким образом, исходя из данных, полученных от М.М. Аксенова, можно предположить, что вынесенное за пределы кладбища на 50 м захоронение на р. Чуня является кенотафом. Подобный способ обозначения места смерти и памяти об усопшем был характерен для эвенков Катангского района [8, с. 172].

Помимо изучения захоронений людей как одной из тем этнографических исследований, в ходе экспедиционных работ А.А. Павлов, как и Г.С. Уткин, уделял внимание изучению прочих культовых и религиозных традиций.

Так, А.А. Павлов в ходе экспедиции 1990 г. обратил внимание на отношение эвенков к оз. Якогно. Согласно материалам, собранным Г.С. Уткиным, местные эвенки старались не селиться по берегам озера, несмотря на обилие рыбы в нем. Это объясняли страхом перед духом водоема, который негативно относился к появлению на берегах озера людей [4, л. 12]. Из материалов А.А. Павлова следует, что к концу XX в. эвенки уже не боялись рыбачить на озере или даже вставать кратковременными стоянками в охотничий период, однако на берегах озера все еще предпочитали не селиться [9, л. 41].

Однако не все культовые или священные места эвенков были связаны со страхом посещения. К примеру, хребет Туноор (по р. Туноор, правому притоку р. Илимпея) считался священным, так как разделял разные группы эвенков: «... от эвенка Веретнева, которого считали шаманом, ... в районе ... границы с Эвенкийским автономным округом есть хребет Туноор, до которого эвенки доходили, но его не переходили, так как с другой стороны другие эвенки. Считалось, что в хребте (он высокий) живут лучники» [10, л. 30]. А.А. Павлов пришел к выводу, что негласный запрет на посещение данного объекта является отголоском междоусобной войны, который дошел до XX в. в форме табу и суеверий.

Помимо информации о погребении людей и табуированных эвенкийских местах, А.А. Павлову удалось собрать сведения об отправлении культа

медведя, в особенности о процессе и особенностях его захоронения.

У некоторых групп катангских эвенков был силен культ медведя, особая роль в котором отводилась его захоронению. Эвенкам рек Ика, Тетя, Токма было свойственно делать особые открытые медвежьи погребения. После убийства медведя и его разделки было принято изготавливать специальный настил-коврик из молодых лиственниц, на который помещались медвежьи кости. Коврик было принято уносить в тайгу и подвешивать к дереву. Второй вариант захоронения был распространен среди эвенков, проживавших по р. Тетя. Медвежью голову отрубали, оплетали тальником и привязывали к дереву глазами в сторону других групп эвенков [7, л. 9]. Можно предположить, что данное расположение головы убитого медведя имело сакральное значение. Вероятно, оно служило отсылкой к мифам приангарских эвенков, связанных с медведем [11]. Подобное положение головы убитого животного предполагает, что даже после смерти медведь, которому в мифах часто отводится роль людоеда, будет следить за чужими группами эвенков, охраняя свой род. К сожалению, в ходе экспедиций А.А. Павлову не попадались подобные медвежьи «захоронения», однако сведения были собраны у нескольких информаторов в ходе экспедиционных исследований [9, л. 30].

Таким образом, рассмотрев данные, собранные А.А. Павловым в ходе экспедиций в Катангский, Качугский, Казачинско-Ленский районы Иркутской области и в Кежемский район Красноярского края в 1980–90-х гг., а также сопоставив их с данными исследований Г.С. Уткина, можно прийти к ряду выводов относительно культовых и погребальных сооружений эвенков.

Во-первых, большая часть шаманских захоронений располагается в удаленных и труднодо-

ступных районах. Захоронения рядом с местом проживания характерны для простых эвенков.

Во-вторых, на примере кладбищ с. Стрелка-Чуня и ряда урочищ [2] можно предположить, что к 1980-м гг. XX в. эвенки севера и севера-запада Иркутской области и части Красноярского края стали отходить от исконных традиций размещения захоронений. Данное изменение можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, отход от кочевого образа жизни, нарастающий в XX в., вынудил коренное население более детально и емко обустраивать и осваивать близлежащее пространство, что делало повседневную жизнь более комфортной. Во-вторых, сокращение численности эвенков, а также смешение с русскоязычным населением (браки) привело к неосознанному переносу аспектов быта и культуры русских на повседневную жизнь эвенков.

В-третьих, среди простых эвенков были распространены надмогильные сооружения, но также встречался тип захоронения с обозначением могил одеждой или вещами покойного. Данный вариант захоронений следует называть «намарок».

В-четвертых, среди эвенков Приангарья, как минимум еще в первой половине XX в. продолжал бытовать культ медведя, связанный с особыми способами расчленения и свеживания туши животного, а также с процессом его последующего захоронения. Описанное информаторами положение частей туш медведя свидетельствует о сохранении архаичных мифов и частичном воплощении их сюжетов в отправлении данного культа.

В-пятых, у эвенков Ангаро-Енисейского региона было принято табуировать определенные географические объекты или участки леса. К табуированным участкам можно отнести земли «амандекит» — места в тайге, где проводились захоронения шаманов или их обряды. Среди географических объектов можно выделить о. Якогно и хребет Туноор.

Литература

1. Туголуков В.А. Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // Советская этнография. 1965. № 3. С. 12–26.
2. Бондарева Д.К. Эвенкийские культовые хозяйственные и погребальные строения Катангского района по материалам Г.С. Уткина // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4. С. 80–84.
3. Павлов А.А. Полевой отчет сотрудника архитектурно-этнографического филиала Павлова А.А. за 1985 г. // Фонды БГОМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 6.
4. Уткин Г.С. Отчет по экспедиции 1978 г. // МБУК «БГОМ истории освоения Ангары». Д. ВП-1053/7.
5. Памяти Александра Павлова (12.11.1956–22.05.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://bratskmuseum.ru/about/news/?ELEMENT_ID=252705 (дата обращения: 09.11.2020).
6. Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. 500 с. URL: <http://www.evengus.ru/slovari/evkrus/n/index.html> (дата обращения: 22.10.2020).
7. Павлов А.А. Полевой отчет старшего науч. сотрудника Братского филиала Иркутского гос. объединенного музея за 1987 г. // Фонды БГОМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 8.
8. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 296 с.
9. Павлов А.А. Полевой дневник за 1990 г. // Фонды БГОМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 12.
10. Павлов А.А. Полевой дневник за 1986 г. // Фонды БГОМ. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 7.
11. Василевич Г.М. О культе медведя у эвенков // Сборник музея антропологии и этнографии им. Миклухо-Маклая. 1971. Т. 27. С. 150–169.